

Томас Клири

К
И
Т
А
Й
С
К
О
Е

И
С
К
У
С
С
Т
В
О

В
О
Й
Н
Ы

ПОСТИЖЕНИЕ СТРАТЕГИИ

Искусство военных стратегий

Томас Клири

**Китайское искусство войны.
Постижение стратегии**

«Издательство АСТ»

1984

УДК 355.4(091)(510)
ББК 63.3(5Кит)

Клири Т.

Китайское искусство войны. Постигание стратегии / Т. Клири —
«Издательство АСТ», 1984 — (Искусство военных стратегий)

ISBN 978-5-17-105734-3

История ведения войны в Китае восходит к древним мифам, в которых великие воины — волшебники и маги, а их легендарные сражения олицетворяют идеалы справедливости и служения народу. Реалии войны никогда не были столь же просты и очевидны, однако и политики, и мыслители, и полководцы, сталкиваясь с конфликтами и войнами, искали пути их умиротворения в тех древних фундаментальных понятиях и идеях. Уже в ранней китайской литературе специально рассматривается проблема войны, причем не только вопросы стратегии и тактики, но и воздействие на людей, нравственные последствия. Какими качествами должен обладать полководец, что приводит к конфликтам в обществе, как управлять государством и не допускать кризисов — эти и многие другие проблемы издавна интересовали китайских мудрецов. Книга основана на переводах текстов Чжугэ Ляна и Лю Цзи — непобедимых полководцев и мудрых государственных деятелей, которые на практике доказали свое постижение искусства войны, искусства стратегии.

УДК 355.4(091)(510)
ББК 63.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-105734-3

© Клири Т., 1984

© Издательство АСТ, 1984

Содержание

Предисловие составителя	7
«Искусство войны» и «И цзин»: стратегия и перемены	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Китайское искусство войны. Постижение стратегии

Публикуется по соглашению с Shambala Publications (США) при содействии Агентства
Александра Корженевского (Россия)

© Thomas Cleary, составление, 1984

© Котенко Р. В., перевод, 2000

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие составителя

*Те древние мужи, что Дао-Путь постигли,
Были таинственны и утонченны,
Пронизанные сокровенным.
«Дао дэ цзин»*

*Будь неуловимым, вплоть до бесформенности;
Будь неведомым, вплоть до беззвучности.
Так сможешь стать
Властителем судьбы врага.
Сунь-цзы*

*У изменения и движения – свое время; безопасность и опасность
заключены в тебе самом. Несчастье и счастье, обретение и утрата – все
начинается из тебя самого. Вот почему тот, кто искусен в изменениях,
отдается времени. Для того, кто отдается времени, даже опасность
безопасна; для того, кто искусен в изменениях, даже хаос упорядочен.
«Чжун хэ цзи»*

Вопрос изучения стратегии жизни и применения ее на практике, в любой ситуации и в любое время, с глубокой древности интересовал философов и политических мыслителей всех великих культур. В Китае, земля которого дала рождение одной из древнейших ныне живущих цивилизаций, философы классической эпохи размышляли о том, как человеку выжить и обеспечить свою безопасность в условиях беспрестанного движения и изменений. Многие учителя мудрости этого далекого времени были ремесленниками и учеными, задумывавшимися над природой и судьбой человека в надежде отыскать новые стратегии существования; другие же занимали высшие государственные и военные посты, и потому им волей-неволей приходилось изучать самые сложные проблемы человеческого общества, с которыми они сталкивались в своей деятельности.

Философы Древнего Китая говорили: когда первоначальная чистота человеческих нравов испорчена личными амбициями, общество оказывается в состоянии непрекращающейся внутренней войны. Война эта проявляется в социальном неповиновении, столкновениях между различными классами и в конце концов – в вооруженной агрессии. И потому еще с той далекой поры мудрецы озаботились изучением тех механизмов, что приводят к конфликтам в человеческом сообществе, и старались постичь практическую науку кризисного управления.

Вот почему уже в ранней китайской литературе специально рассматривается проблема войны, причем не только с точки зрения того, когда именно и как начинать военные действия, но и с точки зрения ее воздействия на людей и вызываемых ею нравственных последствий. «Инь фу цзин», «Канон сокрытых знаков», считается, например, одним из наиболее ранних даосских текстов, созданным даже прежде «Дао дэ цина». Вследствие чего сочинение это пользуется таким авторитетом, что его с огромным интересом изучают и стратеги, и мистики: в классической лаконичной манере текст этот суммирует то отношение к войне, которое впоследствии было заимствовано различными философскими школами, в том числе неувядаемыми даосизмом и конфуцианством. «Отсеки источник наживы – это в десять раз лучше, чем собирать армию», – говорит канон.

Затем и «Дао дэ цин», несомненно, самый известный даосский текст, развивает тему мотивов, лежащих в основе войны. Одним из главных оказывается жадность:

Когда в Поднебесной есть Дао-Путь,
Кони спокойно унавоживают землю.
Когда в Поднебесной нет Дао-Пути,
Боевые кони роятся в предместьях.
Нет больше вины, чем страстям поддаться.
Нет больше беды, чем меры не знать.
Нет больше преступления, чем желание обладать.

(Пер. Е. Л. Торчинова)

Та же фундаментальная тема подробно разрабатывается и в «И цзине», «Книге Перемен», другом древнейшем китайском каноническом сочинении, посвященном, как и следует из названия, науке овладения изменениями, сущностью жизни. В том же пассаже «Инь фу цзина» утверждается, что начинать отсекай источник наживы и жадности нужно со своего дома: «Исследуй трижды, и днем, и ночью, – это в десять тысяч раз лучше, чем собирать армию». Можно вспомнить и знаменитую строку из «Дао дэ цзина», ставшую пословицей: «Путешествие в тысячу ли начинается с первого шага». Фразу это можно прочитать и так: «Путешествие в тысячу ли начинается у твоих ног».

Позднейшие сочинения следуют той же концепции, а именно: что всякие реформы в социальной сфере должны начинаться с конкретной личности, и подразумевают, что внутреннее самосовершенствование куда более эффективно, чем внешнее принуждение к закону. Вот почему китайские философы приходили к выводу о все возрастающей с течением времени роли образования и воспитания в обществе. Конечно, порой их представления о том, каким именно должно быть это образование, отличались радикальным образом, но все они соглашались в том, что одной из составляющих его должно быть изучение природы конфликтов. И получалось так, что, несмотря на все огромное многообразие идей и концепций относительно конфликтов в человеческом обществе, философы Древнего Китая зачастую давали схожие рецепты их разрешения. Поэтому классические сочинения по военной тематике, такие как, например, знаменитое «Искусство войны» Сунь-цзы, ставшее учебником, обычно отражают все основные направления философской мысли Китая, особенно те, что так или иначе связаны с «И цзином», «Книгой Перемен».

История ведения войны в Китае восходит еще к древним мифам, в которых великие воины представлены волшебниками и магами, чьи легендарные сражения со своими противниками олицетворяли идеалы справедливости и служения народу на раннем этапе развития цивилизации. Однако реалии войны исторической никогда не были столь же просты и очевидны, как их мифические прообразы, однако и политики, и мыслители, и полководцы, на протяжении столетий постоянно сталкиваясь с конфликтами и войнами и будучи вынужденными находить пути их умиротворения, неизменно придерживались некоторых фундаментальных понятий и идей, сложившихся еще в глубокой древности.

Китай являет собой гетерогенную цивилизацию, охватывающую огромные территории и граничащую с большим числом разных народов. В своей истории страна прошла через столетия войн, как внутренних, так и внешних. И на протяжении примерно трех тысячелетий ее долгой истории несомненным оставалось постоянство причин, приводивших к войнам, и способов ее ведения, что делает изучение войны и военной философии занятием в высшей степени поучительным и полезным, позволяющим выявить природу и сущность войны как таковой.

Если говорить упрощенно, то борьба за власть, лежавшая в основе многих войн в Китае на протяжении трех тысячелетий, являлась следствием нескольких главных антагонизмов. Первые войны Китая представляли собой междуплеменные конфликты и столкновения, в которых участвовали народы, жившие в бассейне реки Хуанхэ или приходившие туда. Одни племена покоряли другие, пока, наконец, в III и II тысячелетиях до нашей эры в бассейне

Хуанхэ не сформировались относительно большие и достаточно сильные их конфедерации. Конфедерации эти существовали довольно долго, и на протяжении этого длительного периода войны возникали уже вследствие сталкивавшихся региональных интересов ведущих их кланов. Войны случались все чаще, становились все более и более жестокими и достигли своей кульминации в эпоху, известную как период Борющихся царств, продолжавшуюся с V по III столетия до нашей эры, когда они практически не прекращались.

Однако осуществленная в конце III века последняя, решающая кампания покончила с ними; впервые в своей истории Китай стал единым. Но за этим последовали уже войны экспансионистские, отчасти похожие на те, что много ранее вели протокитайские племена за овладение бассейном Хуанхэ. Уже в объединенном Китае правилом стали и войны между правителями и подданными, в которых существенную роль играл дух регионализма.

Борьба между центром и окраинами, между высшими и низшими, выражавшаяся на протяжении многих столетий в бесконечных внутренних и внешних интригах и войнах, дала удивительное многообразие комбинаций и переработок первоначальных принципов. Добавим к этому еще соперничество кланов и семей, а также столкновение политических интересов служилых ученых, евнухов, многочисленных родственников императоров. На всех уровнях, и самом высшем, и низших, стремление к власти и богатству стало отличительной чертой человеческого мира, главным движущим фактором многих событий, в ответ на которые мыслители-практики и создавали науку безопасности и стратегии действия.

Некоторые из наиболее глубоких и проницательных суждений о войне и военном искусстве восходят к классическому «Дао дэ цзину», тексту, создание которого обычно приписывается времени от начала до середины периода Борющихся царств. В характерном для идеологии даосизма стиле текст выражает идеал – обретение практической и этической мудрости:

Оружие – недоброго знамения вестник.
Оно не есть орудие благородных мужей.
И только если нет иного выбора,
Его возможно применить.
Муж благородный ценит всего превыше мир и покой.
И даже коль в войне он побеждает,
Тому не радуется он нисколько:
Ведь радоваться ей – то же самое,
Что наслаждаться убиением людей.
А тот, кто наслаждается смертоубийством,
Не способен направить свою волю на благо Поднебесной.

Среди бед большей нет,
Чем недооценить противника.
Недооценить противника – значит похоронить свои
драгоценности.
Поэтому, когда в битве войска скреещивают свои клинки,
Побеждает скорбящий.

(Пер. Е.Л. Торчинова)

Похожим образом представлен в этом же сочинении и идеал искусного воина, не имеющего ничего общего с пустой бравадой и жестокостью:

Те древние мужи, что Дао-Путь постигли,
Были таинственны и утонченны,

Пронизанные Сокровенным.
И столь они были глубоки,
Что распознать их нельзя.
Поскольку нельзя распознать,
С усилием попробую лишь указать
На свойства их обличия:
О! Они были столь же внимательны,
Как если бы зимой переходили реку вброд!
О! Они были столь же осторожны,
Как если бы опасались соседей со всех четырех сторон!
О! Они были столь же серьезны, как если бы чинно встречали
гостей!
О! Они были столь же мягки, как лед, что готов распасться!
О! Они были столь же ровны, как простота необработанного
чурбана!
О! Они были столь же всеобъемлющи, как широкая долина!
О! Они были столь же мутны, как взбаламученная вода.

(Пер. Е.Л. Торчинова)

Даосское мировоззрение, несомненно, оказало влияние на стратегию «Искусства войны», а кроме того, элементы даосской критики тирании во всех ее формах проявляются и в идеях двух выдающихся мыслителей конца эпохи Борющихся царств – Мо-цзы и Мэн-цзы. Оба они – а особенно Мо-цзы – исповедовали активную жизненную позицию и уделяли пристальное внимание проблеме войны.

В основе учения Мо-цзы лежала идея всеобщей любви, на которой только и может быть основано социальное благополучие; он считал войну массовым убийством людей, и ничем иным, и жестоко высмеивал государства своего времени, в которых кража и убийство человека преследовались и карались по закону, но которые вознаграждали своих воинов за грабежи и массовые истребления людей. Мо-цзы сам строил метательные машины и организовал мобильный отряд истово преданных его учению воинов-аскетов, которые приходили на помощь маленьким государствам, если те становились жертвами царств более крупных. И даже после кончины Мо-цзы последователи его продолжали следовать установленным учителем традициям вплоть до конца периода Борющихся царств.

Мэн-цзы, живший некоторое время спустя после Мо-цзы, известен как продолжатель традиции великого учителя Конфуция. Если Мо-цзы уделял преимущественное внимание конфликтам между разными государствами, то Мэн-цзы в большей степени заботились противоречия между различными социальными классами. В своем учении и во всей своей жизни он твердо придерживался принципа и практики соотнесения интересов различных социальных групп как необходимого условия общественного и политического порядка. Поэтому Мэн-цзы отвергал еще сохранявшиеся в его время пережитки древних представлений, что воины якобы обладают неким божественным правом, и утвердил нравственные основания, допускающие вооруженный протест со стороны угнетенных.

Даосы считали и Мэн-цзы, и Мо-цзы в некотором роде «своими» мыслителями, как, впрочем, и Конфуция, и других ранних философов – авторов «И цзина» и «Искусства войны». Мировоззрения всех школ оказались собранными воедино во II веке до нашей эры в знаменитом классическом даосском сочинении «Хуайнань-цзы», «Философ из Хуайнани». В этой действительно неординарной книге рассматривается самый широкий круг вопросов, в том числе политических, социо-логических, экологических, психологических и биологических, причем все они сплавлены в единое целое – науку жизни. В сочинении нашли отражение философия

«И цзина», «Дао дэ цзина» и высшая мудрость «Искусства войны», примером чего может служить одна из историй, иллюстрирующая воплощение на практике знаменитого диктума «Искусства войны», а именно, что «побеждать, не вступая в сражение, – самое лучшее»:

«Когда царство Цзинь пошло войной на царство Чу, чуские сановники уговаривали правителя напасть, но тот сказал: “На протяжении царствования нашего прежнего правителя Цзинь не нападало на нас; значит, если Цзинь нападает на нас в мое правление, это моя вина. Что можно поделать с таким позором?”

Сановники сказали: “Цзинь не нападало на нас во времена прежних министров; значит, если Цзинь нападает на нас теперь, то это наша вина”.

Чуский правитель склонил голову и заплакал. Потом он поднялся и поклонился своим министрам.

Когда люди Цзинь услышали об этом, они сказали: “Чуский правитель и его министры соперничают друг с другом за право взять вину на себя; а с какой легкостью правитель осудил себя перед своими подданными. На них не следует нападать”.

В ту же ночь цзиньская армия повернула обратно. Вот почему в “Дао дэ цзине” сказано: “Тот, кто может принять позор всех людей, зовется правителем государства”».

В «Хуайнань-цзы» есть еще одна история, иллюстрирующая вытекающий из предыдущего принцип «Искусства войны», а именно, что если соперничество приводит к конфликту, то даже в победе может присутствовать утрата, что в последующем, даже если соперничество закончилось, может привести к еще большей беде:

«Правитель царства Вэй спросил своего министра о причинах, приведших к гибели одного из государств. Министр ответил: “Постоянные победы в постоянных войнах”.

Правитель Вэй спросил: “Государство, одерживающее постоянные победы в постоянных войнах, можно считать благополучным. С какой стати этому быть причиной его гибели?”

Министр сказал: “Там, где постоянно воюют, народ слаб; там, где постоянно одерживают победы, правители высокомерны. Дайте высокомерным правителям повелевать слабым народом, и едва ли найдется такое государство, которое бы не погибло”».

Со временем весь широкий спектр китайских представлений относительно практического искусства жизни был унаследован чань-буддизмом, подвергшим внимательной и строгой проверке взгляды всех школ с тем, чтобы установить их сущность и смысл. Поэтому неудивительно, что одно из наиболее ярких описаний иерархии китайских философий войны содержится в трудах блистательного буддийского мыслителя XI столетия Мин-цзяо, ученого, историка и одновременно знатока чань-буддийской мистики:

«Оружие предназначено для использования против преступников; использование оружия исходит от гуманности и основано на справедливости. Оно исходит от гуманности в том смысле, что проявляется сострадание к тем, чьи жизни уничтожаются; оно основано на справедливости в том смысле, что кладет конец жестокости.

Когда жестокость останавливается справедливым образом, то возникает взаимная гармония, а не взаимная смута. Когда к тем, чьи жизни уничтожаются, проявляется сострадание, то и планы составляются для того,

чтобы поддерживать жизнь, а не сеять смерть. Вот почему военные походы идеальных правителей древности называют правильными наказаниями и справедливыми свершениями.

Когда согласие среди людей пошло на убыль и наступила эпоха Борющихся царств, изменился характер военной стратегии; о гуманности и справедливости забыли, и вместо этого война стала основываться на жестокости и предательстве. Сильные государства никто не мог приструнить, самомнение государств-гегемонов росло вместе с численностью их армий, жадные государства оружием сеяли хаос, алчные государства использовали свои армии, чтобы нападать на других.

“Война – отвратительное деяние, и благородные прибегают к ней только тогда, когда избежать ее невозможно”. Вот почему совершенномудрые древности ценили нравственную силу, а не военную. Вот почему понимающие военную стратегию не должны управлять Поднебесной в одиночку.

“Облечься в доспехи – это не путь добиться благосостояния в государстве; это способ покончить с жестокостью”.

“Погибшее государство ведет войну оружием; государство тирана ведет войну коварством; государство подлинного вана ведет войну гуманностью и справедливостью; империя ведет войну добродетелью; идеальное государство ведет войну недеянием”».

Другой представитель чань-буддизма, тоже блестящий ученый и поэт, добавляет к представленному выше описанию философии войны некоторые детали. Его наблюдения и мысли облечены в прекрасные стихи, которые он писал в неприступных горах, где скрывался после того, как стал жертвой клеветы. В его глубоком подходе к истории и беспристрастном понимании красоты и трагедии столкновения различных интересов, пронизывающих человеческую жизнь, также зримо ощущается даосский элемент, ставший неотъемлемой частью наследия чань-буддизма.

Впечатления от прочтения истории

Пробужденные и благородные завершают дела только время от времени,
А ничтожные чиновники всегда поддерживают друг друга.
Когда клеветники и льстецы добиваются своего,
Совершенномудрые и ученые отвергнуты.
Великое Дао создает мириады вещей
Бесчисленного множества видов.
Чистые и подлые не соседствуют друг с другом,
Гуманные и жестокие следуют разному.
Если поставить их рядом,
Как они смогут поладить?

Причитания солдатской жены

Лучше быть придорожной травой,
Чем супругой солдату, ушедшему в поход.
Еще не согрето свадебное ложе,
А муж уже на северной границе.
Она вспоминает день их расставанья,

Как снежинки покрывали землю:
Лук и стрелы у него на боку,
Копыта коня заледенели от холода.
Он сейчас так далеко от дома,
Могут ли они хранить надежду на встречу?
Приводят в печаль ее солнце с луной,
Что светят ей и ее господину.
День за днем она томится и чахнет,
Думая только о том, будет ли страданиям предел?
Каждую ночь в тяжелых снах
Она летит на север, к границе.
Но в походе нет другой судьбы,
Как быть настороже и днем, и ночью.
Нет времени думать ни о доме, ни о семье,
Остается лишь ратный труд беззаветный.
Так, с древнейших времен до скончания лет,
Верные долгу погибнуть давали обет.

Китайский генерал на черном коне. Ок. 1815–1820

«Искусство войны» и «И цзин»: стратегия и перемены

«Искусство войны» и «И цзин» – две вечные книги китайской цивилизации; их на протяжении многих столетий, и в Китае, и в соседних азиатских странах штудировали и гражданские чиновники, и военные стратеги. «Искусство войны» впускает в мир войны культурное начало, «И цзин» впускает войну в мир культуры. В соответствии с принципами классической политической идеологии Китая военная стратегия подчиняется стратегии социальной. Вот почему главным оружием, защищающим нацию от хаоса, вызываемого хоть внешними, хоть внутренними причинами, считалась нравственная сила единого целого – народа. Далее люди могут быть объединены только теми средствами, которые пестуют общее благосостояние. Поскольку «И цзин» отличает единство от единообразия, китайская идеология утверждала, что методы эти следует адаптировать в зависимости от времени, места и тех людей, которым они призваны служить.

Ниже философия «Искусства войны», а также применение стратегии разрешения конфликта будут рассматриваться именно в духе этой традиции. О взаимоотношениях между философией и наукой организации, выраженной в «Искусстве войны», и более древней «Книгой Перемен» мы говорили в нашем предисловии к переводу первого сочинения. Для того, чтобы поставить его в контекст философской перспективы, здесь, полагаем, логичнее будет начать с идей о соперничестве и войне, представленных в самом «И цзине».

Большинство читателей и Востока, и Запада знают «И цзин» как древнюю книгу предзнаменований, на протяжении тысячелетий использовавшуюся в качестве практического руководства по гаданию и предсказанию судьбы. И по сей день к ней обращаются как к непревзойденному авторитету по прогнозированию развития ситуации, но такая практика была в целом чужда ведущим философам и политическим мыслителям. Военные стратеги открыто запрещали гадания как таковое со времен как минимум таких же древних, как само «Искусство войны».

Для ученого, исследующего законы поведения в социуме, «И цзин» – это книга стратегических оценок, призванных помочь человеку жить и действовать более рационально и эффективно. Структуру ее можно условно представить в виде четырехугольника, по углам которого – четыре фундаментальные идеи, и на котором вращается круг, состоящий из трехсот шестидесяти возможных ситуаций. Цифра триста шестьдесят соответствует числу дней лунного года и олицетворяет полноту и завершенность. Эти ситуации сгруппированы в шестьдесят главных конфигураций, выраженных символическими знаками – гексаграммами по шесть элементов в каждой.

У каждой гексаграммы имеется название и главная тема, отражающая тот или иной аспект жизни и развития в круге перемен. Она сопровождается комментариями и образами изменений, которые могут произойти в человеческом мире в данных условиях, когда с течением времени возникают аналогичные возможности. Каждый из шести элементов гексаграммы, в свою очередь, тоже снабжен комментариями и образами, анализирующими заданную тему с различных углов зрения, в зависимости от разных относительных позиций, в которых люди могут оказаться в заданных условиях.

Две темы «И цзина», наиболее зримо связанные с интересующим нас вопросом о влиянии книги на «Искусство войны», – это темы шестой и седьмой гексаграмм, «Раздор» и «Армия» соответственно. Темы эти рассматриваются друг за другом в соответствии с традиционным порядком изучения событий, а комментарии к ним как раз и отражают классический подход к тому, как следует реагировать на конфликт.

Комментарий «И цина» к гексаграмме «Раздор» гласит: «Обладателю правды – препятствие»¹.

Чэн И, один из лучших знатоков «Книги Перемен» в истории, прекрасный интерпретатор, испытавший влияние и даосизма, и чань-буддизма, объясняет его просто как то, что «раздор возникает из необходимости». Очевидно, что сие явно дву-смысленное замечание применимо в равной степени и к захватнической, и к оборонительной войне.

Вся символика гексаграммы «Раздор» свидетельствует о внутреннем желании и внешней силе. Она призвана отразить алчные и агрессивные черты человеческой психологии и поведения, те самые, что как раз и ведут к противостоянию. Таким образом, «необходимость», которой Чэн И объясняет возникновение раздоров, можно понимать как относящуюся либо к внутренним силам, подчиняющим захватчика, либо к внешним, делающим необходимой защиту от агрессии.

Согласно этическому кодексу «И цина», раздор оправдан, когда он возникает как сопротивление угнетению либо как противодействие страданиям, на которые обрекают жадность и агрессивность другого. Принцип этот вполне согласуется с Путиями всех трех главных направлений китайской мысли: конфуцианства, даосизма и буддизма. Значит, «справедливый раздор» также проистекает из необходимости. Об этом и говорит «И цин». Чэн И добавляет: «Без искренности и верности раздор – всего лишь интрига и ведет к несчастью».

Такие же нравственные принципы присутствуют и в «Искусстве войны». В разделе «Маневрирование армией» Сунь-цзы говорит: «С самого начала проявлять жестокость и устанавливать суровую дисциплину, опасаясь своих людей, – вот признак неумелости». А в разделе «Огневые атаки» сказано следующее: «Правитель не может собирать армию только из-за своего гнева; полководец не может вступать в битву только из-за крушения своих ожиданий. Когда выгодно, продвигайся; когда невыгодно, остановись».

Комментарий к гексаграмме «Раздор» продолжает: «С трепетом блюди середину – к счастью. Крайность – к несчастью». Комментарий Чэн И: «Соперничающие люди, в ожидании решения, противопоставляют свое обоснование обоснованиям других. Хотя они могут быть искренними и преданными, но, если возникает раздор, они, безусловно, не видят ситуации; что-то обязательно останется нерешенным, ибо, если бы это было не так, ситуация была бы ясна и соперничества бы не возникло. Раз дело не разрешено, нельзя определенно сказать, будет оно иметь хорошие или плохие последствия. Вот почему существует большое беспокойство относительно достижения и поддержания благоприятного равновесия. Если равновесие достигнуто, это предвещает благо. “Крайность – к несчастью” означает, что, если подходить к делам, твердо придерживаясь заданного понимания, это предвещает беду».

О том же самом принципе Сунь-цзы в разделе «Огневые атаки» говорит так: «Гнев может вновь обратиться в счастье, раздражение может вновь обратиться в радость, но уничтоженное государство невозможно восстановить, мертвого нельзя вернуть к жизни. Поэтому просвещенный правитель осторожен с войной, а хороший полководец почтителен к ней».

Согласно философии «И цина», состояние равновесия, или следования середине, означает такое отношение, при котором эмоции и чувства не берут верх. Если следовать традиционной формуле, выраженной, в частности, в «Чжунхэцзи», «Книге равновесия и гармонии», неодаосском сочинении, основывающемся на «И цине», то: «Состояние до возникновения эмоций называется равновесием; если же эмоции проявились, но сохраняешь умеренность, это называется гармонией». Традиционный даосизм понимает «равновесие» как объективность и беспристрастность. В древней формуле «равновесие и гармония» объективность и беспристрастность всегда ставятся на первое место, поскольку считается, что они и есть как раз те

---

¹ Перевод фрагментов «И цина» дан по изданию: Шуцзи Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». – М., 1993. – С. 249–250. (Прим. ред.)

необходимые практические качества, посредством которых в последующем только и можно обрести гармонию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.